Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Соглашение о предотвращении ядерной войны

КРОКОДИЛ

№ 19 • ИЮЛЬ 1973

Н. МАССАРОВ

шьем да порем...

«Семь раз отмерь, один раз отрежь»,— гласит пословица.

— Чего это ради? — усмехнулись проектировщики и строители Ялты, да с тем и начали делать наоборот: по три-четыре раза резать, а уж после мерить и удивляться: что, мол, это, братцы, получилось?

В не столь отдаленные времена построили в Ялте Дом одежды. И тут же, перед зданием, заасфальтировали просторную площадь. Оглядели эту площадь компетентные люди, почесали затылки и молвили:

— Чего-то не хватает.

— Может быть, тут посадить кусты, деревца, сделать газоны? — предложил кто-то.

— Нам что,— сказали строители,— были б деньги — сделаем.

И не успели горожане ногой ступить на новую площадь, как с нее сняли асфальт и воплотили в жизнь запоздавшую идею с насаждениями и газонами...

Приятно сейчас выглядит и другая площадь, где расположены Дом торговли, кинотеатр «Сатурн» и новое административное здание. Но сначала тут тоже не раз и не два резали без примерок, и обошлось это не в одну сотню тысяч рублей.

Вначале был отрыт огромный котлован под уже упомянутый Дом торговли. Года через два позеленела, покрылась тиной вода в котловане и весело заквакали лягушки. Кое-кому не по душе пришлись лягушачьи концерты, а потому котлован был засыпан. Тут же, на спланированной площадке, посадили цветы. Но не суждено было им расцвести. Еще не остыли радиаторы машин, возивших грунт для засыпки котлована, как его вновь стали отрывать и вывозить этот самый грунт с тем, чтобы начать строительство Дома торговли. Тут же неподалеку решено было построить вместительный подземный туалет.

Не успел схватиться бетон под облицовочной плиткой только что построенного туалета, а акты приемки и сдачи объекта еще не подшили в дело, не успела даже просохнуть мастика от печатей на платежных поручениях на сумму двадцать тысяч рублей, как это скромное, но необходимое заведение стали засыпать землей: именно здесь наметили строительство кинотеатра «Сатурн».

Выстроили кинотеатр, а на площади перед ним соорудили грандиозный фонтан. Красота! Ан не тут-то было! Когда вместительный бассейн фонтана облицевали беленькой плиткой, вдруг спохватились:

— Не то! Не гармонирует!

Поотбили беленькую облицовку и заново облицевали черненькой. Кажется, сгармонировало. Пока не сбивают.

А тем временем вовсю кипела работа по реконструкции прилегающей к этому комплексу площади. Ее без передышки реконструировали три раза. Только в одном конце заканчивают работы, а с другого уже заходят ломать, чтобы заново переделывать.

Последний вариант реконструкции обошелся в сущие пустяки — всего в 29 тысяч рублей. Площадь получилась ничего себе. Этак рядками уложены бетонные плиты. Ходить по ним, правда, не совсем удобно: в пазы между плитами, уложенными на песчаную подушку, проваливаются каблуки дамских туфель. Чуть загляделась гражданка, угодила в паз — и нет каблучка.

Впрочем, плиты, изготовленные здесь же, в Ялте, уже через месяц после укладки начали крошиться, появились выбоины, трещины. Надо полагать, новая реконструкция площади не за горами.

Неоднократно переделывались площади между центральным рынком и зданием «Гипрограда», напротив здания треста «Ялтаспецстрой», и другие.

По части облицовки сооружений тоже накоплен опыт. Несколько раз такие работы проведены на лечебном плавательном бассейне по улице Красноармейской, в тоннеле подземного перехода с Московской улицы на Киевскую, в некоторых зданиях.

Принцип «Шьем да порем» бытует и в области малых архитектурных форм и в благоустройстве. Так, например, стена, установленная на Набережной и вызвавшая массу нареканий своим неприглядным видом, не дождавшись, пока ее снесут, рухнула сама, простояв всего пять лет...

На троллейбусных и автобусных остановках по улицам Киевской, Садовой и у Дома одежды построили из стеклоблоков павильоны для пассажиров. С годик простояли эти сооружения, а потом вдруг неизвестно почему решили их снести. Что и было сделано.

В апреле провели новый эксперимент. Кому-то пришла в голову идея: а к чему, собственно, пальмы на Набережной? Десятки лет те пальмы живут, мол, не в ладу с морем. Мешают, дескать, им расти морские брызги.

Выкорчевали пальмы, а взамен посадили кривые, как саксаул, низкорослые сосны.

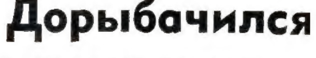
Жители и гости курорта возроптали. И тогда были выкорчеваны кривые сосенки, и снова заняли свои места пальмы. Но за сосны деньги плачены, выбросить их как-то неудобно, и потому решено было пересадить сосенки на той же Набережной чуть подальше, стыдливо спрятав их за густые тамариски.

Трудно сказать, в какую сумму обходятся все эти упражнения. Но, видимо, недаром площадь у кинотеатра «Сатурн» жители называют золотой. Думается, что в руках ялтинских «закройщиков» она в конце концов может стать и бриллиантовой.

г. Ялта.

Вадим ПОЛУЯН

Дорыбачился

Летом даль в родном краю
так и манит, как в раю:
мак, ромашка, лютик...
А угодий, рек-то!
На заводе люди
ищут: «Где директор!»
Укатил далечко
и сидит при водах.
Поплавок да речка,
а в воде — природа!
Дико
крикнет
уточка
нецивилизованная,
тихо
никнет
удочка,
сном парализованная.
Клюнул язь доверчиво:
подсеки, пожалуйста,
дай, мол, мне до вечера
на костре пожариться.
Окунь ухватил блесну
и молчком в ведре уснул.
А рыбак с ведерком
то тянул, то дергал...
Здесь шершаволицым
век бы коротал.
Чтоб им провалиться,
службам, городам!
На природе — благодать,
в кабинете — смутно:
рекламации опять,
сметы перепутаны...
Смежники!
Заказчики!
Свеженькие накачки!
А комиссии и акты...
Ух, ты!
Ах, ты!..
А вернулся — привет!
Даже Даша-
секретарша
не открыла кабинет.
Усмехается водитель:
«Здесь не вы руководитель».
Понял рыболов-спортсмен
и сердиться не посмел.
Снят он не за неполадки,
не за брак и не за быт,—
слишком часто жил в палатке
и на службе был забыт.

Тема Е. ТИТОВА (г. Воркута).
Рисунок Б. САВКОВА

НА КОНКУРС ТЕМ

— Будет знать, как в вытрезвителе ночевать, бригаду позорить!

Эр. ЭДЕЛЬ,
специальный корреспондент Крокодила

За граблями

Сам я исконный сельский житель. Недавно вот навестил родичей в Белгородской области, в селе Разумное.

А тут как раз у родичей, понимаете, грабли сломались. Просят:

— Почини.

— Лучше,— решаю я,— новые куплю. Подарок.

Куда я пошел? В магазин № 20 родной сельской потребкооперации я пошел.

Вхожу. Осматриваю товар не спеша. Не скажу, что товара нет совсем. Кое-что есть. Разное.

Вот нож мельхиоровый лежит. Дорогой, но красивый. Вилок, правда, нет, но ножи есть. Их, видно, сюда отдельно от вилок завезли. А вилки, может, и вовсе в другой области лежат.

Смотрю дальше. Духи в занятных флакончиках: «Каприз», «Каменный цветок». По десятке штука. «Н-да,— думаю,— вряд ли этот товар самый ходкий...»

Затем натыкаюсь взглядом на яркую примету нового быта — на электрические полотеры. Охватывает зависть: «Вот те на, а я и не знал. Люди-то как жить стали: уж и паркетными полами обзавелись!» Потихоньку, чтобы не очень бросалась в глаза моя серость, спрашиваю у какой-то женщины с бидоном:

— Много ль паркету на сегодняшнее число в здешних избах?

В ответ она смотрит на меня как-то странно. Узнаю все же: покамест в данной сельской местности ни одного квадратного сантиметра паркета не наблюдается. Какой умник сюда полотеры загнал?

Тут примечаю два галстука, модных, широких. Радуюсь, быстро покупаю, решив отослать их племяннику-студенту в город. Там, пишет, таких нету. Их теперь в ателье заказывают. Навроде штанов или пальто.

Однако самого меня, как исконного сельского жителя, больше интересует деревенский товар. Грабли, одним словом.

Между тем вижу странную посудину. Таз не таз — высок для таза, бочонок не бочонок — сверху не закрыт, ведро не ведро — пузатое. Но из серебристого металла. Что бы это?.. «Мать честная! — догадываюсь вдруг.— Да то ж не иначе, как наш родимый чугунок-кормилец! Для печки!»

Хотя для какой печки? Этаких здоровущих печей и в помине нет. Да и никаким ухватом его не подденешь. Втроем не поднимешь. Разве что автопогрузчиком? Тяжел, чертяка, двухведерный.

И более ничего, кроме богатырского чугуна, сельскохозяйственного я не обнаруживаю. Ни там тебе топора, ни гвоздей, ни тех же грабель — ну ничегошеньки. Ни кастрюль, ни стаканов, ни веревки. Зато, пожалуйста, скороварки по четырнадцать рублей.

— Нужные в хозяйстве вещи где добываете? — задаю вопрос покупателям, которые, впрочем, ничего не покупают почему-то. Словно бы в музее: только осматривают — и все.

— А в городе, где ж еще? — отвечают таким тоном, будто так и должно быть.

Слово за слово, разговорился с продавщицей Зинаидой Ивановной Поляковой.

— Бедновато живете...

— Недолго осталось,— отвечает как-то мрачно.

— Это почему?

— Да ни один продавец больше полугода не выдерживает. Плана нет, заработка — тоже. Уйду и я отсюда скоро.

— Отчего так?

— Да ты в подсобку загляни! — вдруг в сердцах как закричит она.

Заглядываю: ой ты, чего только нет! Аж в глазах рябит!

И тут-то я узнал все до тонкости про сельскую торговую жизнь.

Вон валяется на полке зимнее мужское пальто. Я мужчина крепкий, но поднял его с большим трудом. Двумя руками. По фасону и размеру его бы с радостью напялил будочник из прошлого века вместо тулупа. Думаю, что и алебардой пальто не проткнуть... А цвет-то, цвет! В нем хоть уголек в шахте рубай, хоть по чернозему весной ползай — ни черта не изменится. Лежит, надо заметить, пальтецо с одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Сколько еще пролежит — никто не знает.

Рядом — плащи для женщин. Полы плащами мыть неудобно. Прорезиненные они. Да и дороговато. А больше ни на что не пригодны. И все остальное платье примерно такого же качества. А то и похуже...

— Ей-богу, говорят, кое-что лежит чуть ли не с сорок девятого года,— сообщает мне Полякова.

В тесном сарайчике, в подсобке, все пылится, гниет. Но никто эти шедевры легкой промышленности не уценяет. Очевидно, они застрянут в Разумном навечно. И из-за этого новых товаров дают крайне мало, вот в чем беда.

Не хочется верить, но, оказывается, вокруг меня валяется пятьдесят семь тысяч рублей!

А продавщица указывает на вновь прибывшую партию суконных сапожек и теплых домашних туфель цвета мокрого асфальта. Это весной! Не иначе, как они тоже кандидаты на вечную прописку.

— Не хотела брать,— объясняет Зинаида Ивановна,— так зам. председателя нашего Старогородского сельпо Ивахненко записку прислала: «Примите срочно сапоги и тапочки с нашей обувной фабрики. Если откажетесь, то пишите объяснение». Ну, я испугалась... и взяла.

— На сколько, интересно, в месяц торгуете?

— Ерунду выручаю. На днях повезло, можно сказать. Где-то, наверное, прямо со склада кому-то продали мотоцикл с коляской, а деньги за него в мой план включили. Будто бы я его через свой магазин реализовала. Хоть «левый» мотоцикл в этом месяце выручит. И смех и грех...

Пошел я домой. Поел плотно: путь не близкий. Сел в автобус. И покатил в город. За граблями. Потому без них нам, исконным сельским жителям, все-таки не очень сподручно.

Белгородская обл.

Ян ПОЛИЩУК

ШНИЦЕЛЬ ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

Попервоначалу все шло прекрасно. Оркестр наяривал «На тихом бреге Иртыша». Фирменные шницеля дивно усваивались под ритмы. Пиво тоже не застревало... Вдоволь накушавшись, Иван Федосеевич Цупиков расплатился с официантом и, буксируя приятеля за лацкан, двинулся в гардеробную.

Тут-то его и ожидало потрясение. Дюжий детина в мятых лампасных штанах, сцапав пятерней номерок, в корректной, но твердой форме попросил почтенных клиентов предъявить справочку.

— Какую еще справочку? — изумился клиент, недолюбливавший бюрократизм.

— Форменную. С подписью официанта, что изволили рассчитаться вплоть до компота из сухофруктов.

— Не было сухофруктов! — начал закипать клиент.

— Это не нашего аппетита дело. Только без подтверждения одежонку не выдам.

— И давно это у вас?

— С той поры, как один командированный нанес ресторану ущерб в объеме двух шницелей.

— А вы, что же, все подписи наизусть знаете?

— Да вот один раз дал маху, туды его в ресторанторг! Выпустил клиента на волю, а он, оказывается, сам закорючку подмахнул.

— А может, лучше рентгеноустановку вытребовать?

— Я и то кумекаю. Иначе никаких чаевых не напасешься. Словом, гоните документ!

В приведенной сценке нет ни доли преувеличения. Это в подлинном смысле картинка с натуры. Непрезентабельной натуры, с которой столкнулся наш читатель Иван Федосеевич Цупиков на омской орбите, в ресторане «Орбита».

Когда он в той же корректной, но твердой форме поинтересовался, зачем нужна эта чертовщина, директор Геннадий Яковлевич Мишин ответил, что ничего противоестественного в этих действиях не наблюдает. Дескать, в эпоху экономической реформы, когда каждый гривенник должен быть на прицеле, мы не можем доверять отдельно взятому клиенту...

— Впрочем, наведывайтесь,— заключил он,— будем рады!

Черт знает что! Когда-то какой-то разнузданный командированный забыл расплатиться за шницель, и вот уже пищевому начальству всюду мерещится подкоп под финансовую базу. И невдомек лампасному детине, что своими требованиями он унижает посетителей. И недоступно директору, что нелепыми подозрениями он оскорбляет всяк сюда входящего.

Случай, происшедший в Омске, относит нас еще к одному странному происшествию, имевшему место в аэропорту города Симферополя.

Известно, что такое аэровокзал. Лихорадочная атмосфера воздушных перевозок, напряженная борьба за сохранность тары и тому подобных материй. И вот в эту атмосферу транзитом вторгается пассажирка В. Цывашова, торопящаяся на учебную сессию в Херсонское мореходное училище. Ничего еще не предвидя и даже улыбаясь весенним своим мыслям, она подходит к стойке № 5 и ставит чемоданчик на весы. За кафедрой стоит регистраторша в форме, не в пример лампасному швейцару, элегантной и отутюженной. Однако же в глубине подчеркнутых глаз светится холодное подозрение.

— А почему ваш чемоданчик мало весит?

Пассажирка слегка цепенеет. Вроде бы тревогу у авиаторов должен вызывать именно чрезмерный груз: говорят, он препятствует то ли центровке самолета, то ли еще чему в этой сложной машинерии. Но почему нельзя пускаться в путь налегке? Однако же пассажирка терпеливо доложила, что у нее в ручной клади всего пара платьев да пяток учебников. Много ли заочнику надобно?

Но регистраторшу не так легко сбить с толку.

— Так вы, значит, в Херсон следуете? Так-с... А ведь именно там в прошлом сезоне наблюдался неурожай гвоздик. Уж не цветочки ли в чемодане? А ну, предъявите!

— На каком основании?

— Как на каком? На основании прошлогоднего постановления облисполкома о борьбе с отдельными лицами, виновными в отдельных злоупотреблениях... Уж больно вы улыбаетесь многозначительно. Небось, о барышах размечтались... Эй, товарищ начальник!

Начальник смены уверенно выныривает из толпы.

— Эта, что ли? — спрашивает он без околичностей.

— Эта самая. Цветы везет гражданочка на предмет спекуляции. Тут, понимаете, за день букетика не дождешься, а они чемоданами транспортируют...

— Какая спекуляция? Какие цветы? — взвинченно говорит пассажирка.

— Всякие,— поддразнивает начальник.— На вкус и цвет, хы-хы, товарищей нет... Правильно я говорю, Тешарева? А вы, гражданочка, пройдемте!

— Куда пройдемте?

— Покуда в дежурку, а потом, глядишь, и в кутузку...

— Никуда я не пройду.

Искоса следя за пассажиркой и любуясь собственной отвагой, начальник смены кликнул милиционера и потребовал проводить задержанную в дежурку на предмет надлежащего обыска.

Ну, что тут поделаешь? С одной стороны, Цывашовой надо спешить. Она торопится по делам, не терпящим отлагательства. На озабоченном лице ее написано, как на служебной депеше: «Весьма срочно!». С другой стороны, если она не вскроет поклажу, то рискует, не дай бог, провести ночь в кутузке. После недолгой внутренней борьбы она сдается и, прижимая к груди, словно сиротку-подкидыша, свой злополучный чемоданчик, следует за милиционером.

В дежурке отважный начальник смены с кряхтеньем распахивает ручную кладь, и перед ним, как и утверждала пассажирка, оказывается пара платьев и пяток учебников. Много ли заочнику надобно?

— Вроде бы замарали гражданочку подозрением,— смущенный таким итогом, произносит милиционер Мирный и, согласно своей фамилии, тихо удаляется.

— Ну, постой! Погоди! — кричит ему вдогонку начальник.— Документик составим для отчета... Э, да ладно!

Он обмакивает перо в чернильницу и, высунув язык, с жаром что-то пишет. В результате рождается манускрипт следующего содержания: «Акт составлен в Симферопольском аэропорте на предмет выборочного досмотра багажа, вызывавшего свое подозрение легкостью... Багаж проверен в присутствии пассажирки Сивашовой (!). В чемодане обнаружены личные вещи. Начальник смены Беспальнов».

Между тем время идет. Точнее, оно поджимает. Однако обескураженная жертва недоверчивости, обливаясь слезами, уже не думает об отлетающем лайнере, просроченном отпуске и прочих мелочах. Она требует, чтобы перед ней извинились.

— Это еще зачем? — поражается начальник.— Мы, можно сказать, невзирая боремся с отдельными лицами, виновными в отдельных злоупотреблениях, а вы тут политесы разводите... Лучше топайте на посадку, пока рейс не улетучился. Счастливого полета!

Теперь попытаемся вникнуть в существо вещей. Ну, допустим, бывают отдельные случаи, когда в борьбе с отдельными злоупотреблениями приходится прибегать к крайним средствам. Но, наверное, при этом надо соблюдать чувство меры и уж, конечно, базироваться на четких доказательствах. А то что же получается? Получается, что, опираясь на прошлогоднее постановление, любого можно подвергнуть досмотру только потому, что у официального аэрочина было скверное расположение духа.

А ведь, казалось бы, в эпоху рассвета интеллектуальных сил, универсамов, личных знаков качества и бескондукторных автобусов надо исходить из гуманной установки: «Проверяй, но доверяй! До-ве-ряй! Откуда же эта угрюмая подозрительность? Зачем это предельное неуважение к человеку?

Сдается, что и омские титаны общепита и симферопольские сыщики-любители относятся к тем архаическим типам, которые в каждом прохожем видели шельму и прохвоста.

В одном сатирическом романе рассказывается о некоем бухгалтере, который был столь недоверчив, что после того, как здоровался, обязательно пересчитывал пальцы на руке. Очень подходящее занятие и для наших перестраховщиков. Пусть пересчитывают. Но, конечно, только свои, а не чужие.

Андрей ВНУКОВ

Стихи-куплеты про то и про это

В детстве юного нахала
Мать милицией пугала.
Только стала мать успехов достигать —
Докатился сын до точки:
Страшным именем сыночка
Можно запросто милицию пугать!

Укреплять семейства узы
Помогают профсоюзы...
Жаль, Ромео в профсоюз не мог вступить:
Взять Монтекки с Капулетти
Да на местном комитете
Им за склоку строгий выговор влепить!

Людям свойственно стремиться
В жизни многого добиться,
Одного не надо только забывать:
Добиваться — добивайся,
Но при этом не старайся,
Добиваясь, своих ближних добивать!

Занимает пост тупица,
Он таким сумел родиться,
В этом маминой вины, конечно, нет:
Мама сына лишь рожала,
Не она его сажала
В это кресло, в этот самый кабинет...

Как-то раз за простоквашей
В магазин пошел папаша,
А мамаша, с ребятишками грустя,
Стала ждать... И пусть не скоро,
Но точь-в-точь, как мушкетеры,
Папа в дом явился... двадцать лет спустя.

КИНО
СОЛЬ
Первые дикари
ТУР поход
ДЫГА БЫЛА ЗДЕСЬ
— И за такую-то халупу он содрал с нас семь шкур!..
Первая авиалиния
Пещерные люди
МАРШРУТ № 1
ЛЕДНИК—ПЕЩЕРЫ
Первый автобус

— Какой я жулик? Я ворон здешний...

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Окольцованный браконьер

К. СЕЛИНЕВИЧ, специальный корреспондент Крокодила

Однажды утром — было это прошлой осенью — главный государственный охотинспектор Алма-Атинской области Н. А. Коркешко проснулся. А проснувшись, ощутил, что ему ужас как хочется дичинки. Говядина приелась, думал он, баранина осточертела, куры - индейки уже поперек горла стоят, да и рыба надоела... Нет! Надо, надо скорее ехать в лесные дебри. В заповедные. Где на каждом шагу то жирная уточка, то шашлычная косуля, то набравший розового сальца дикий кабан...

«...Но не тащиться же одному,— продолжал размышлять Николай Александрович. — Со скуки помрешь. Да и несподручно».

И он затрубил в охотничий рог. А может, по телефону позвонил. Или курьера послал. Это не столь важно. Важно то, что на его зов дружно явилась бригада инспекторов охотинспекции в составе П. Панина, О. Оккерта, М. Сапыжанова, А. Непша, В. Климова, А. Башмакова и А. Климова.

Оглядев свое войско, Коркешко скомандовал:

— По машинам!

И кортеж машин с вооруженными до зубов инспекторами запылил в Прибалхашский государственный заказник, где, к слову сказать, запрещено не только палить из ружей, но даже громко чихать, ибо спокойствие фауны здесь строжайше оберегается законом.

Два бивака были разбиты. Один — в доме заведующего Прибалхашским заказником О. Мусаханова, второй — у заведующего Илийским заказником А. Енина.

На охоту выезжать — надо подкрепиться. Подкреплялись в основном «Экстрой» под бешбармак и выехали на «тягу» в приподнятом настроении.

Ружейная канонада нарушила тишину и покой заповедных мест. Звери и птицы заметались в лесных чащобах. Жалобно визжали раненые свиньи и подсвинки. Несколько подранков, оставляя алый след, ушло в густые заросли. Бравые охотники не сожалели:

— Пусть дохнут. И добытого хватит.

Еще бы не хватит! В качестве победных трофеев увезли в дом О. Мусаханова семь кабанов, пять фазанов и одного хромого зайца, не успевшего дать стрекача от облеченных высокими полномочиями браконьеров.

Заведующий госзаказником О. Мусаханов строго блюдет коран, свинину не потребляет. Для его личного казана были застрелены две стройные косули.

Прощальный бешбармак в доме Мусаханова закончился той же «Экстрой» и картежной игрой. И все было бы хорошо, если б не зловредная «Экстра». Это она, коварная, подталкивает людей, даже занимающих официальные служебные посты, на безрассудные поступки.

Николай Александрович захотел совершить какой-нибудь дерзкий подвиг, чтобы подчиненные инспектора поняли и твердо запомнили: он, Коркешко, может все.

И подвиг состоялся. Отважный охотинспектор совершил... налет на квартиры рабочих соседнего Желтурангинского совхоза М. К. Чуваева и Н. М. Бочевского. Перевернув все вверх дном и не найдя при обыске не только кабана (на что он рассчитывал), но даже заячьего хвоста, Николай Александрович выдал возмущенным рабочим утешительную справку, что у них «ничего не обнаружено».

Похождения главного госохотинспектора получили в Алма-Ате широкую огласку. Над Коркешко сгустились тучи. Но его взял под свою защиту начальник главного управления заповедников и охотничьего хозяйства при Совмине Казахской ССР В. А. Степанов. Опережая события, Валентин Александрович в феврале 1973 года издает приказ № 55, в котором записывает: «Главохотинспектору Коркешко, проявившему легкомысленное отношение к организации охоты, что привело к грубейшему нарушению режима госзаказников, объявить строгий выговор».

Однако Алма-Атинский облисполком 27 марта вынес свое решение, в коем записано: «Работники Облгосохотинспекции, возглавляемой Коркешко Н. А., сами стали на путь браконьерства: на территории госзаказников незаконно отстреляли 7 кабанов, 5 фазанов, 2 елика и 1 зайца», а посему — «главохотинспектора Коркешко от занимаемой должности освободить и передать материалы в следственные органы».

А через полтора месяца тот же Алма-Атинский облисполком вдруг выносит новое решение: оставить Коркешко в прежней должности.

Вот оно как! Главного браконьера области окольцевали, осторожно прищемив его строгим выговором, и снова пустили в просторы заповедников и заказников.

г. Алма-Ата

«ЗА ВСЕ В ОТВЕТЕ»

В этой заметке (№ 12) шла речь о Волгоградской областной библиотеке, где ввели странный порядок: студенты, записывавшиеся в библиотеку, заверяли у своих и без того обремененных массой забот деканов «Гарантийное обязательство», по которому материальная ответственность в случае утери книг возлагалась на деканат.

Получен ответ от заместителя начальника областного управления культуры тов. И. Долгова. Руководству библиотеки дано указание записывать студентов без поручительства деканов.

«НУ-КА, ОТДОХНИ!»

Так называлась заметка, опубликованная в № 13 «Крокодила». В ней, в частности, шла речь о затянувшемся строительстве клуба в совхозе «Великопетровский», Челябинской области.

Начальник областного производственного объединения совхозов тов. Н. Ефимов сообщил нам, что приняты меры к окончанию строительства клуба в 1974 году. С этой целью выделены дополнительные денежные средства.

ГРОХОТ ПРЕКРАТИЛСЯ

В № 11 «Крокодила» был помещен фельетон «Грохот в ночи». Грохот происходил оттого, что рушились здания, сделанные из кирпича, который вырабатывали Аджаметский завод и Цхакаевский комбинат стройматериалов.

Министр промстройматериалов Грузинской ССР тов. О. Лолашвили сообщил нам, что факты, приведенные в фельетоне, полностью подтвердились. На бывшего директора Аджаметского завода И. Нижарадзе и бывшего главного инженера этого предприятия Т. Чихладзе материалы переданы следственным органам для возбуждения уголовного дела.

Приняты меры к тому, чтобы Цхакаевский комбинат стройматериалов выпускал продукцию, отвечающую требованиям ГОСТа.

«ПЛЫВИ, МОЙ АВТОБУС, ПЛЫВИ!»

Так называлась заметка нашего читателя из г. Белая Калитва В. Григоренко, проиллюстрированная его же снимком. На снимке был запечатлен рейсовый автобус, с трудом пробирающийся по неблагоустроенной и полузатопленной улице Горького («Крокодил» № 11).

Как сообщил заместитель председателя Ростовского облисполкома тов. В. Лаврентьев, на улице Горького произведены работы по освещению и асфальтированию проезжей части. Разработан проект, предусматривающий и устройство сооружений для отвода ливневых вод.

М. ГРИГОРЬЕВ

ПО НОВОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Опыт экспериментального фельетона об одном событии в Нефтекамске

Признаться, мне никогда не приходилось писать таких фельетонов.

Для тех, кто не знает, расскажу об обычной фельетонной технологии. В несколько упрощенном виде она выглядит так. Фельетонист обнаруживает какое-то ненормальное явление. Или узнает о неблаговидных делишках некоего субъекта. В нем (не в субъекте, а в фельетонисте) пробуждается гражданский гнев, и он берется за перо. Затем публикует свое произведение на страницах прессы. И ждет. Рассчитывая, что должен быть какой-нибудь результат: либо общественность заклеймит порок, либо даст по шапке самому фельетонисту, чтобы не изображал нашу прекрасную действительность в искаженном виде и не набрасывал тень на порядочных людей.

Теперь же я должен был не только вскрыть отрицательное явление, но сразу сообщить и результат: как оно устранено или устраняется. Мне сказали, что новая технология позволяет добиваться большой экономии газетной и журнальной площади, а также читательского времени. Прочитал фельетон, возмутился пороком, узнал, как он наказан, и перешел к очередным делам. Очень удобно и в высшей степени рационально.

А БЫЛО ЛИ БЕЗОБРАЗИЕ?

Как это делалось и прежде, вначале следует выяснить, что составляет предмет фельетона, есть ли на самом деле безобразие, каких оно размеров и т. д. Одним словом, стоит ли бить в колокола? И тут я должен прямо сказать: стоит. Такой именно вывод подсказывает читательский сигнал о серьезных недостатках в организации торговли.

Читатели из Нефтекамска, Башкирской АССР, супруги А. Ф. и П. Н. Горяевы так и начинают свое письмо:

«Как-то странно в нашем городе ведется торговля дефицитными товарами».

И действительно, если посмотреть со стороны — очень странно. Собираются, например, у магазина в 5 часов утра, хотя в такую рань даже коробок спичек купить нельзя, и от нечего делать составляют списки, кто следует за кем. Составление списка очередников — дело живое, беспокойное, и потому время проходит не так тоскливо. Вот уж и 11, открываются магазинные двери. Вопреки ожиданиям никто в них не стремится, потому что нужного товара в магазине нет, его еще не привезли. А часы показывают уже 15.30. Предоставляю слово супругам:

«Подъехала машина, волна людей по инерции кинулась вдогонку, создалось какое-то замешательство... Начали было разбираться, кто за кем, но тут продавец авторитетно заявила:

— Никаких списков, продажа будет производиться в порядке живой очереди!

Одних это воодушевило, и они пустили в ход локти, а другие, более сознательные, решили, что продавец, тем паче женщина, не могла так сказать всерьез. Толпа стала просить, кричать:

— По списку, по списку продавайте!

Прервем это красочное описание и укажем, что, по словам очевидцев, продавщица совала чеки на товар тому, кому считала нужным. Возникла всеобщая свалка, где, как пишут супруги Горяевы, «побеждал сильнейший». В итоге одна женщина осталась без денег и покупки, а другой в клочья разодрали дорогой плащ.

Итак, мы видим, что безобразий было достаточно. Ну, а какие за ними последовали меры?

Ожидалось, что их примет директор ЦУМа, возле которого происходило побоище. Передают, что впоследствии с ним состоялась такая беседа:

— Вы видели, как беснуется толпа вокруг вашего универмага?

— Видел, конечно.

— И что же вы сделали?

— Посмотрел и отошел.

— А почему не вмешались?

— Разве может один человек противостоять толпе?

— Ну, позвали бы кого-нибудь на помощь.

— ?!.

В общем, не смог директор Нефтекамского универмага завершить фельетон счастливой концовкой. И тогда автор решил искать помощи у других. В частности, у художника И. Сычева. Тот прочел начало фельетона и сказал:

— Ситуацию я, кажется, уловил. Но мне непонятно, что могло вызвать в Нефтекамске такой ажиотаж?

ИЗ-ЗА ЧЕГО СЫР-БОР

Действительно, мы упомянули, что в универмаг Нефтекамска привезли товар повышенного спроса, но не назвали какой. Что за шурум-бурум находился в кузове той самой машины, которую толпа встретила со столь неподдельным энтузиазмом?

Любители пива скажут, что там была вобла. Домашние хозяйки подумают о мясорубках. Садоводы и огородники — о металлических крышках для консервирования.

Но любая догадка пройдет мимо цели. Потому что, как это ни покажется фантастичным, в кузове грузовика навалом лежали... ковры. Не те, которые в сказках (ковры-самолеты), и не те, что предназначены для музеев (произведения знаменитых ковровщиц Ашхабада, Тавриза и Хорасана), а обыкновенные коврики машинной выработки, создающие в малогабаритных покоях почти райский уют.

И не случайно в предвкушении этого уюта люди, по выражению А. и П. Горяевых, «теряли рассудок». А коварная продавщица Женя (так, оказывается, ее звали) со злорадной усмешкой «кидала ковер в бушующую толпу, и на него бросалось сразу несколько человек, рвали его друг у друга из рук...».

— Значит, так в Нефтекамске продавали ковры? — переспросил художник.— Но это же варварство! Особенно недопустимое в наше время, когда известны десятки способов и методов культурной торговли. Надо что-нибудь придумать.

И придумал.

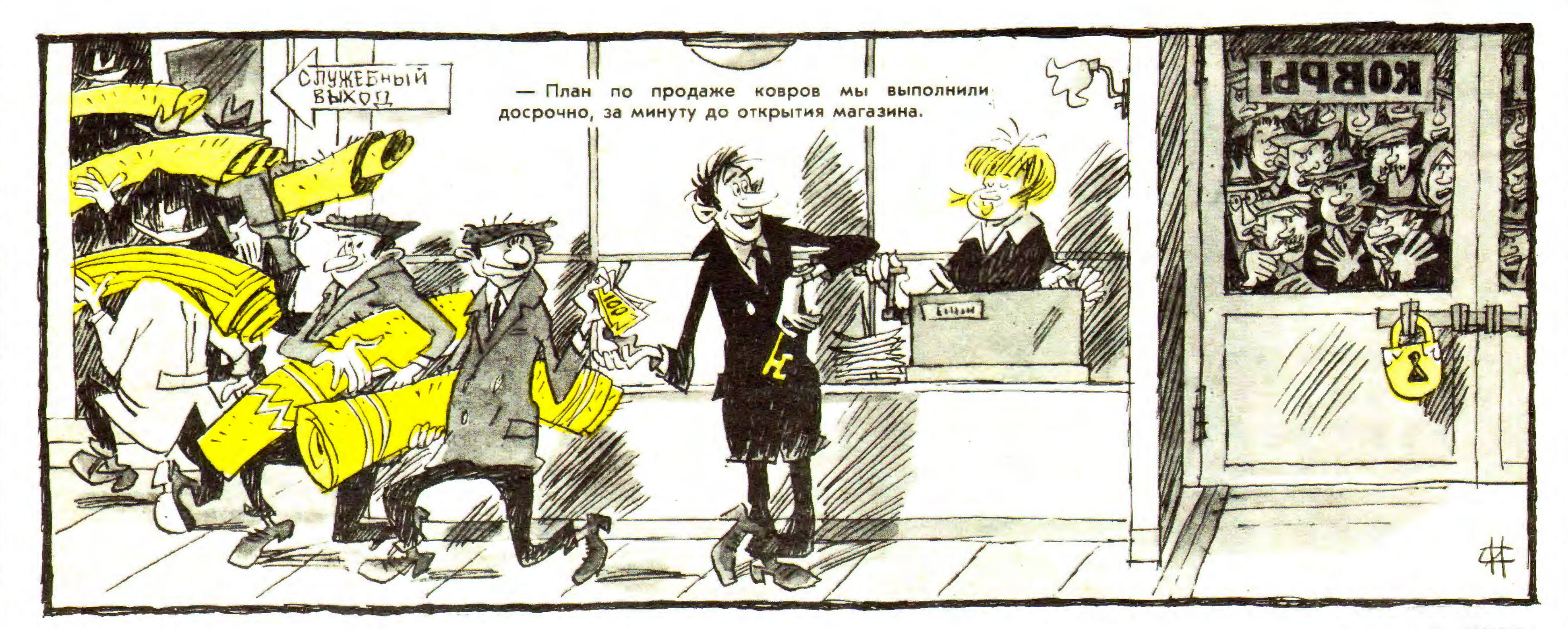

Рисунок И. СЫЧЕВА

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

— И это все? — спросили меня А. Ф. и П. Н. Горяевы.

— Да,— ответил я.— Согласно новой технологии фельетона...

— А мы не интересуемся технологией,— сказали супруги.

— Ни старой,— промолвил муж.

— Ни новой,— добавила жена.

В самом деле, если судить по их письму, то к коврику оба супруга испытывают живой интерес. А в условиях Нефтекамска к не проданным еще коврам отнеслись по-варварски.

Но ведь художник, кажется, постарался предложить более гуманный способ купли-продажи...

— Нас такой способ тоже не устраивает,— заявили супруги.

Наступила минута тяжелого раздумья.

— Я еще допускаю, что нам могли бы разрешить через служебный вход выйти из универмага,— сказала А. Ф. Горяева.

— Но уж ни за что не позволили бы воспользоваться им, чтобы войти туда,— закончил ее мысль П. Н. Горяев.

И в заключение супруги высказались хором:

— Значит, и в данном случае ковер нам бы не достался.

В этих рассуждениях была железная, неопровержимая логика. Я даже подумал, что новая технология не так уж и совершенна. Наверное, мне следовало описать случай в Нефтекамске по старинке...

А что, если все-таки дело не в технологии? Не допустил ли промашку художник? Может быть, он пока еще не знает других, более надежных способов приобретения ковров? Ведь покупают же их и устраивают пушистый, почти райский уют в малогабаритных покоях? Но *к а к* покупают?

— Постригите покороче, чтобы я смогла надеть парик.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Виктор ЛАТЫШЕВ

Мы с вами где-то встречались

— Простите, вы не будете любезны передать мне еще моркови? — обратился сухощавый блондин с интеллигентскими залысинами к полноватому брюнету с профессорской бородкой.

— Пожалуйста,— ответил брюнет с улыбкой.

— Вам нравится морковь? — поинтересовался блондин.

— Ничего, легкий овощ,— кивнул брюнет.

— Да, не то что картошка,— подхватил блондин.— Не люблю ее, знаете. Как-то плохо чувствую себя после нее.

— Что вы говорите! А я думал, это только у меня одного.

— Да?.. А ведь я вас где-то видел.— Блондин внимательно посмотрел на брюнета.

— Ну, конечно же! — обрадовался брюнет.— Вы не у Семенова на кафедре диссертацию готовили?

— Нет, у Иванова. А это не вы у Булкина на кандидатской оппонентом были?

— Нет, я у него на докторской был. Еще моркови дать?

— Давайте,— пожал плечами блондин.— А на симпозиуме по нелинейным флюктуациям локально неопределенных структур поля мы не встречались?

— Не-е,— покачал головой брюнет.— Я по нелокально определенным больше. Овощ-то не с того конца взяли. И зря — с гнильцой он.

— Я уж и то гляжу, не перемазаться бы,— засомневался блондин.

— Да, костюмчик-то у вас ничего еще. Лет пять назад шили?

— Четыре,— поправил блондин.— К защите кандидатской.

— И пуговицы... Та медная со львом вроде? — всмотрелся брюнет.

— Последняя осталась. С симпозиума привез.

— Ах ты, боже мой, пуговица со львом! — хлопнул себя по лбу брюнет.— Я ж ее еще в тот раз заметил! И как это я вас сразу не узнал?! Здесь мы и виделись. Две недели назад.

— Точно!..— удивленно рассмеялся блондин.— На этой же овощной базе. Только в тот раз мы не морковь перебирали, а картошку.

Владимир ПОЛЯКОВ

МЕДИЦИНСКИЙ СЛУЧАЙ

— Слово предоставляется товарищу Пусину Николаю Михайловичу,— сказал председатель собрания.

— Ну, сейчас пойдет заливать! — заметили в третьем ряду.

— Да, уж этот за словом в карман не полезет.

— Чего говорить! Говорить умеет. Он ни на одном совещании не промолчит. У него язык без костей. Ему только начать «Дорогие товарищи», а дальше он не задумывается. Может рассуждать о чем угодно. Смысла нет, а речь на двадцать минут. А потом два дня думаешь, что же он хотел сказать,— и не догадаешься. Прирожденный оратор. Птицерон...

Пусин поднялся на трибуну, налил из графина в стакан воды, отхлебнул самую малость, поставил стакан на место, поднял руку, открыл рот и... и — ничего. Язык не шевелился. Несколько раз он открывал и закрывал рот, глотал воздух, но не издавал ни одного звука.

— Говорите, Пусин,— торопил председатель.

— Чего молчишь? Вышел, так говори! — закричали в зале. Пусин с испугом смотрел в зал, переминался с ноги на ногу, опять выпил воды, опять открыл рот и ушел с трибуны.

— Врача! Врача позовите! — закричал кто-то.

— Не надо врача. Уже все в порядке. Не пойму, что это со мной было. Ну, ни слова произнести не мог,— сказал Пусин и вернулся на трибуну.

Он открыл рот — опять ни звука.

В зале зашумели:

— Врача! Вызовите врача!

Пусин покинул трибуну. Вокруг него собрались сослуживцы.

— Что с тобой, Николай Михайлович?

— Не знаю,— сказал Пусин.— Видите, я свободно разговариваю, а стоит подойти к трибуне — не могу слова произнести...

Приехал врач «Скорой помощи». Узнал подробности происшедшего несчастья, осмотрел Пусина, поговорил с ним несколько минут и сказал:

— Все ясно. Вы абсолютно здоровы. Просто вам нечего сказать. Вот вы вышли, поняли, что говорить лишь бы говорить — это никому не нужная болтовня, а серьезно сказать вам не о чем. И ваш язык подчинился здоровой логике Так что не расстраивайтесь.

МОДНЫЕ ЧУДАЧЕСТВА

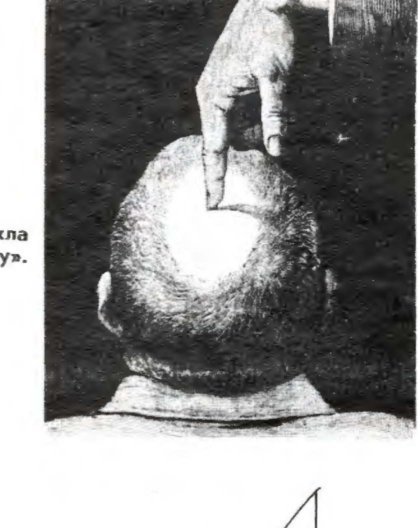
Изопародии
Л. САМОЙЛОВА

Из серии «Скульптурки». Кискобол.

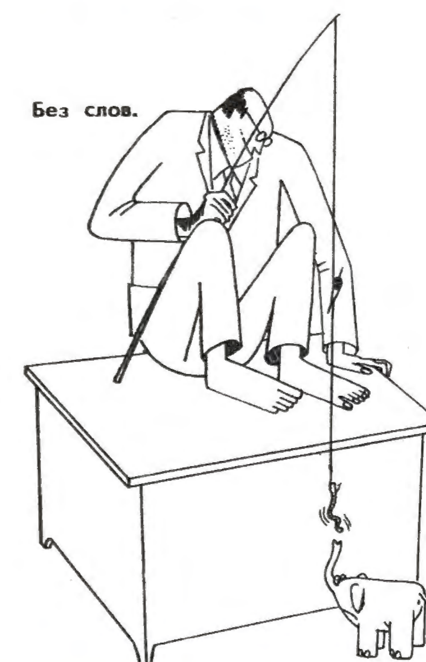
Вообще...

Из философского цикла «Мысли в сторону».

Рисунок к публикации малоизвестного рассказа А. П. Чехова «Ванька».

Без слов.

Игорь ФИЛЕНКОВ

На волоске

Я ехал в трамвае и читал газету. Впереди меня сели двое мужчин в одинаковых серых шляпах и громко заговорили о каком-то Петре Алексеевиче, который, возвращаясь с банкета, упал в лужу и захлебнулся.

Я положил газету на колени и прислушался к разговору.

— Здоровяк-то какой был, а? — сказал один из мужчин.— Жить бы ему еще лет пятьдесят!

— Не говори, Володя,— согласился второй.— Таких случаев сколько угодно. Приятель вон мой в Медведкове вышел на балкон трубку покурить. И вот возьми да вырони ее, проклятую. Рефлекторно хотел поймать да через перила и перекинулся. Тоже здоровяк был. Пятый этаж не шутка — сейчас в больнице, будет ли жив, никто не знает. Так что все мы, в общем, на волоске... Всё случай решает.

— Это ты, Федя, верно. Вон дядю хоть моего возьми. С ним, понимаешь, такая история... Отпуск он в прошлом году дома сидел. Как-то идет мимо конторы — а работал он директором совхоза — и видит: бухгалтер что-то там вычисляет на бумажке. Дядя поздоровался — бухгалтер не слышит. Дядя к нему. Тут бухгалтер обернулся, увидел дядю и раз — эту бумажку рукой прикрыл. И бледный-бледный весь сделался.

Ну, дядя, конечно, удивился.

— Что это ты,— говорит,—прячешь тут от меня? Дай-ка я погляжу,— и руку к столу протягивает. А бухгалтер прямо затрясся весь, скомкал свою бумажку и — в рот ее. Хотел проглотить, да подавился. Кашляет, хрипит, и судороги у него уже начинаются. Тут дядя недолго думая как трахнет его кулаком по горбу. И представляешь, спас он его— выскочил комок изо рта!

— Интересно...— протянул собеседник.— А что ж это за бумажка была?

— Да, представь себе, бухгалтер подсчитывал стоимость списанных материалов. На самом-то деле, конечно, было годное всё. Дядя, понимаешь, дом себе новый из этих материалов строил... Как развернул дядя бумажку — бухгалтер на колени. «Не губите! Это я так! Для чистого интереса! Ничего я такого не думал! Простите, бога ради!» Врал наверняка.

— Простил его дядя-то?

— Простил. Широкой души он... Острастку, конечно, дал, но простил... А ведь вполне мог погибнуть человек.

Федя покрутил головой и вздохнул.

— Действительно, на волоске мы все... Конечно, мог погибнуть этот бухгалтер. Раз плюнуть!

— При чём здесь бухгалтер? — удивился Володя.— Ты представляешь, что могло быть, если бы дядя случайно не заглянул в контору?!

ВИЛЫ В БОК!

ОБМЕН МНЕНИЯМИ

Директор — нам:

— Прогрессивку получит только тот, кто сдаст двести килограммов металлолома.

Мы — директору:

— А где же его взять?

Директор — нам:

— А где хотите.

Мы — директору:

— Незаконно. Будем жаловаться.

Директор — нам:

— Жалуйтесь. Распоряжения не изменю.

Мы — Крокодилу:

— Вот упорство! Прямо железное. Лучшего для сдачи в металлолом и не сыскать.

Шоферы Буинского автотранспортного предприятия.

Татарская АССР.

Нет такой радости,

какую бы хоть что-то не омрачило. Жизнь на этот счет изобретательна и коварна. Вы получаете квартиру, а в доме, естественно, текут краны; вы приобретаете телевизор, а он гаснет и не зажигается больше; вы с трудом пригоняете в родной Черноземельский район долгожданные «Жигули», а вам говорят: шлепайте-ка в Элисту, товарищ. Не устно говорят — письменно, давя авторитетом сельповской справки, в коей сказано: для регистрации автомобиля необходимо доставить его в центр республики в пятидневный срок.

Вы возмущаетесь и говорите, что до Элисты напрямую более двухсот километров, но ведь напрямую не проедешь в распутицу, и с вами соглашаются: не проедешь. А в объезд, прибавляете вы, шестьсот километров, из них семьдесят пять по бездорожью, и вам вторят в районной автоинспекции: шестьсот и семьдесят пять по бездорожью. А трактором тащить новенькие «Жигули» — преступление, и слышите в ответ: ну, конечно. Вот раньше же, мечтательно вспоминаете вы, автомобили регистрировались прямо в райцентре, а сейчас... И с вами вздыхают в унисон: а сейчас — нет, только в Элисте. Почему же? — спрашиваете вы, и вам не отвечают, но мы-то с вами знаем ответ: нет такой радости, какую бы хоть что-то не омрачило. Жизнь на этот счет изобретательна и коварна.

Р. ТИМОВ.

РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВ

№ 1. «Поздравляю Вас наступающим праздником. Желаю счастья здоровья успехов личной жизни».

№ 2. «Сердечно поздравляю праздником. Желаю счастья хорошего здоровья больших успехов труде».

№ 3. «Поздравляю наступающим праздником. Желаю счастья хорошего здоровья больших успехов учебе».

№ 4. «Дорогие поздравляю праздником. Желаю счастья радости здоровья. Обнимаю крепко целую».

Попробуйте из этих четырех радиотелеграфных текстов выбрать подходящий, чтобы поздравить, скажем, одинокую мать-пенсионерку.

Если не сумеете дать ответ за десять минут, значит, вы менее сообразительны, чем работники службы связи Новороссийского морского пароходства.

Примечание составителя задачи капитана дальнего плавания А. С. Веретеничева: Новороссийская служба связи упомянута в этом тексте, потому что именно там родился способ направлять предпраздничное половодье чувств в четыре узеньких русла. Теперь моряку, находящемуся вдали от родных берегов, разрешается передавать с борта лишь адрес и условный номер текста от 1 до 4.

Особый циркуляр, исходящий от тех же связистов, обрадовал плавающих сообщением, что отныне им во время рейсов уже никогда не придется утруждать себя подыскиванием слов для поздравлений. Лирический бюрократизм распространен на все праздники.

Р. БЕРКОВСКИЙ.

Марья без Ивана

Дорогой Крокодил!

Вот уже год, как меня преследует одна и та же песня, и мне кажется, что это связано с работой нашей торговой сети.

Ты ее, наверное, знаешь, там еще есть строчки «Какая Марья без Ивана... Какая песня без баяна...»

А звучать она начинает каждый раз, когда я захожу в универмаг, вижу на полках в большом изобилии сифоны для газированной воды и слышу беседу между покупателями и продавцом:

— Баллончики для сифонов есть?

— Нет баллончиков. И не ожидается.

— Какая ж газировка без баллона? — спрашивает покупатель, и вот тут-то у меня в ушах и начинает звучать про Марью да Ивана, про песню и баян... Замучилась!

А. НОВИК.
г. Владивосток.

«ГРОЗА» В НАШИ ДНИ.

Катерина: — Ну как тут утопишься?

Я. МАЛЫКИН

«МЕРСЕДЕС» ДЖУЗЕППЕ ЛУЧЧИНИ

Дорогая Франческа!

Спешу сообщить, что прибыли на место мы благополучно. И первое, с чего я начал, стал искать автосалоны. Что тебе сказать, дорогая? Видел я «мерседес» — тот самый, что так тебе понравился в кино «Дорога на Мюнхен». Стоит 20 тысяч монет. За радиоприемник и холодильник надо платить отдельно. Напиши мне срочно, какой приемник тебя больше устраивает — с короткими волнами или без них,— и как ты насчет холодильника. Администратор салона считает, что за рулем этой машины я буду выглядеть великолепно. Итак, решено — твой Джузеппе возвращается домой в Италию на собственном «мерседесе»!

В ожидании ответа
любящий тебя Джузеппе.

Добрый день, дорогая Франческа!

В прошлом письме не успел сообщить тебе, как я устроился и какая здесь жизнь. Что мне здесь нравится, так это внимание к людям, в особенности к нам, иностранным рабочим, или, как здесь говорят,— «гастарбайтерам». Скажем, захотелось тебе поесть. Подходишь к ресторану или кафе. А на дверях табличка: «Иностранных рабочих не обслуживаем». Или хочешь снять комнату, а на доме висит плакатик, на котором очень крупно и ясно написано: «Гастарбайтерам комнат не сдаем». Представляешь, как это удобно: сразу видишь, куда можно идти, а куда лучше не соваться.

Наверно, хочешь знать, как же я устроился. Великолепно. Нас в комнате восемь человек. В коридоре есть даже водопровод. Правда, нет окон, потому что раньше это был подвал для хранения утиля, но когда нужен свет, мы зажигаем газету. Жить здесь очень интересно, потому что каждые восемь часов появляются новые иностранцы, приехавшие, как и я, на заработки. Ты спросишь, зачем они приходят? Да потому, что наш хозяин сдает жилье по «системе теплой постели». Заключается она в том, что, когда один человек уходит на работу, герр Шмидт пускает на его же постель другого, потом третьего. Он считает, что тем самым создается комфорт для постояльцев: никому не приходится залезать в холодную постель.

Встретил я тут Винченцо. Не понимаю, чем ему было плохо на французской Ривьере. Ему с дипломом врача довольно быстро предоставили соответствующую его профилю работу — по очистке выгребных ям. Он, как и другие наши земляки, жил там в бидонвиле. Это почти что вилла, только сделана из жести. Он говорит, что летом они здорово экономили на приготовлении пищи. Стоит, например, приложить яблоко к стенке такого бидонвиля, и оно моментально становится печеным.

Теперь о нашем «мерседесе». Он по-прежнему стоит на своем месте, ждет меня. Правда, у меня возникли некоторые сомнения. Администратор салона уже не так любезен со мной, но дело не в этом. Он мне сообщил, что для этого «мерседеса» нужно много бензина, а горючее дорожает. Может быть, остановимся на «фольксвагене»? Он и размером поменьше, и бензина потребуется немного.

Тем более, ты пишешь, что холодильник в машине нам ни к чему, как и короткие волны. Полностью с тобой согласен.

Обнимаю тебя
твой Джузеппе.

Милая жена!

С радостью сообщаю тебе, что у меня наконец-то есть работа. С сегодняшнего дня я работник муниципалитета, кем я был и дома до увольнения. Правда, круг обязанностей немного иной: если говорить точнее, я рабочий муниципалитета, а если уж совсем точно — дворник. Рональдо считает, что мне повезло. Ему с дипломом инженера удалось устроиться рабочим при мусорной машине. В общем, мы вместе — я подметаю, а он увозит. В моей работе есть немало преимуществ: ведь я действую метлой на улице, вижу много машин, имею возможность смотреть и выбирать, какая нам больше подойдет. Судя по моему заработку, будет неплохо, если я годиков через пять куплю мопед. Это, правда, не автомобиль, но ездить на нем можно, и даже вдвоем. Ты спрашиваешь, не могу ли я высылать больше денег. Могу, но тогда мне придется купить подушку и одеяло, так как спать придется на скамейке в саду. Напиши мне, как дети и какого цвета мопед ты хочешь.

Джузеппе.

Дорогая жена!

Я уже вполне освоился в новых условиях, стал лучше понимать язык. Во всяком случае, когда хозяин мне говорит «грязная свинья», я его прекрасно понимаю. Почитываю и газетки, в них иногда можно найти немало интересного. Вот послушай, что пишет гамбургский журналист Ганс Гепперт: «В нашей стране есть закон, который гласит, что немецкой овчарке должна быть обеспечена жилая площадь в 15 кв. метров, но для иностранного рабочего хватит и 3 кв. метров. До тех пор, пока мы будем относиться к каждому итальянцу, как к макаронщику, а к каждому турку—как к головорезу, мы никогда ничего не добьемся». Как ты думаешь, что он этим хотел сказать?

Теперь о твоем письме, оно меня очень огорчило. Ты пишешь: «Чем иметь такой мопед, лучше купить осла». Осла, глупая женщина, надо кормить. А велосипед в корме не нуждается. Я уже приглядел трехколесный, думаю,

что наш маленький Пьетро будет очень доволен.

Целую!

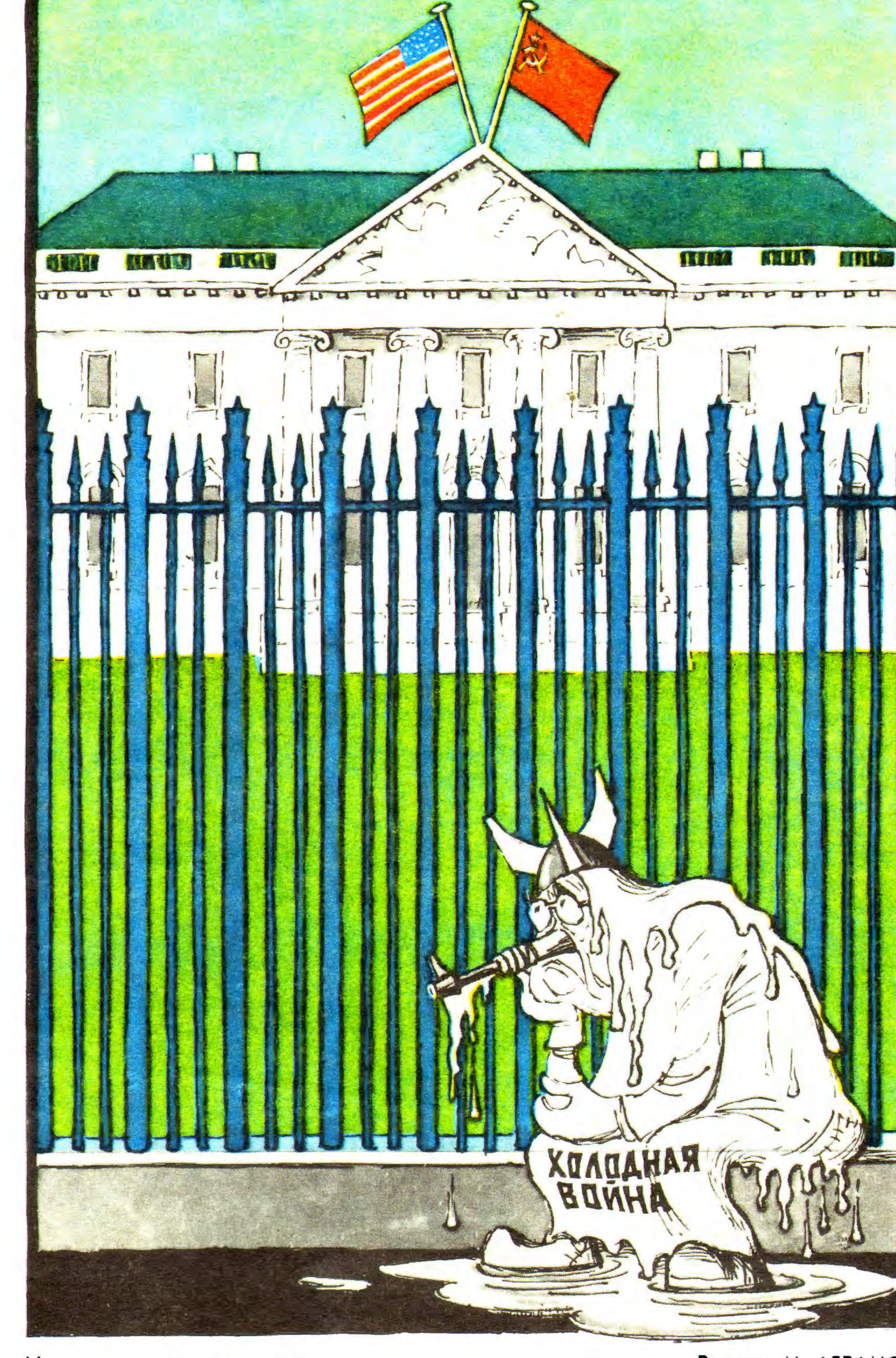
Джузеппе.

Дорогая жена!

Думаю, что мы скоро увидимся. Я собираюсь возвращаться. Увы, не на «мерседесе», а на поезде. Тебя, наверное, интересует, сколько я заработал. Видишь ли, недавно я нашел на улице журнал на английском языке, называется он, как мне сказал сосед по общежитию, «Ньюсуик». Там была статья о нас, иностранных рабочих. Вот что сосед прочел: «Только мизерное количество наиболее удачливых из них откладывает за несколько лет достаточно марок, франков или шиллингов. Но миллионы других превратились в новый люмпен-пролетариат Европы, в перемещенных лиц, которые подметают улицы Парижа, прислуживают в ресторанах Женевы, строят метро в Бонне, Мюнхене и Гамбурге и чаще всего возвращаются домой без гроша, как и уезжали». Что правда, то правда. Только очень мрачно все это написано. Есть и радостные вести. Жилье для нашего брата— гастарбайтера, кажется, подешевеет. Наш домохозяин герр Шмидт объявил, что собирается ликвидировать «систему теплой постели» и перейти к «системе мягкой скамейки», то есть он за почасовую плату будет пускать нашего брата посидеть.

Итак, до встречи!
Твой муж Джузеппе.

...На шикарной улице большого города широко открыты двери автосалона. Там и поныне стоит «мерседес» Джузеппе Луччини.

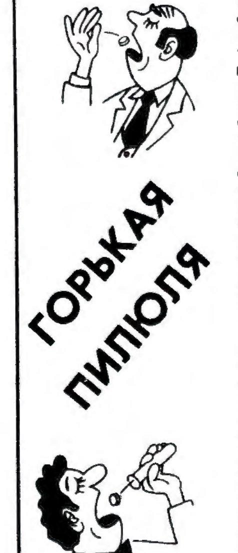

Не пустили на переговоры...

Рисунок М. АБРАМОВА

Г. ФРОЛОВ

ГОРЬКАЯ ПИЛЮЛЯ

Успокоительные таблетки в Англии ныне в большом ходу. В самом деле, даже из самого скромного бюджета можно выкроить средства на пузырек с таблетками сильнодействующих транквиллизаторов «валиум» и «либриум». И если очень уж одолеют заботы по причине отсутствия денег, проглотил таблетку — и сразу полегчает. Грабители еще не догадались, очищая карманы своих жертв, изымать вместе с деньгами и ценные таблетки. Поэтому если ограбили человека на улице — а в Англии это столь же частое явление, как дождь,— то опять же можно успокоить себя с помощью таблетки.

Склонность англичан к успокоительным средствам не преминул учесть один из крупнейших в мире экспортеров медицинских препаратов — швейцарская фармацевтическая фирма «Роше» и ее дочернее отделение в Англии. Последнее продает на Британских островах таких таблеток на 20 миллионов долларов в год. Цены на таблетки стали расти даже быстрее, чем на жилье. Поскольку фирма «Роше» захватила 99 процентов мирового рынка сбыта успокоительных средств и практически является монополистом в области производства «валиума» и «либриума», дело приняло серьезный оборот. Разразился скандал.

— Мы требуем, чтобы фирма снизила цены,— заявил в палате общин министр правительства ее величества сэр Джеффри Хау. И при этом так разволновался, что проглотил таблетку «валиума».

— Надеюсь, что фирма «Роше» сохранит свое доброе имя,— сказал на пресс-конференции министр здравоохранения и социального обеспечения Великобритании сэр Кит Джозеф. Он подразумевал при этом, что фирма умерит свои аппетиты и не будет столь явно грабить взволнованных англичан, жаждущих успокоения. Но сам так разнервничался, что тут же проглотил таблетку «либриума».

Кажется, однако, что фирма предпочтет сохранить свои доходы на прежнем уровне. Во всяком случае, ее представитель дал понять, что хозяева фирмы не слишком взволнованы.

Министрам, видимо, придется проглотить и эту пилюлю...

Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

ДВЕРЬ В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ

Кочегару дяде Васе, можно сказать, повезло: он имел непосредственное касательство к медицине, обеспечивая теплом поселковую больницу. Близость к врачам радовала его.

— Не ровен час, какая-нибудь хворь нападет,— частенько говаривал он,— доктора, вот они, под боком. Своего-то кочегара они мигом вылечат. Таблетку дадут, рентгеном просветят или хирургически вмешаются. Одним словом, все сделают, а на ноги поставят.

Но вот беда, дяди-Васин организм функционировал безотказно, хоть присваивай ему Знак качества. И в лекарствах, а тем более в хирургическом вмешательстве не нуждался. То есть это очень даже прекрасно, но и обидно в то же время: трудиться в медицинском учреждении и не воспользоваться его услугами!

И если бы не удачное месторасположение котельной, возможно, дядя Вася так никогда и не понежился бы на больничной койке, не узнал бы вкуса лекарств, не испытал бы на себе ласку и заботливость медперсонала.

Котельная занимала место, удобное для обзора как корпусов, где люди в белоснежных халатах боролись за человеческие жизни, так и территории по другую сторону котельной, на которой они проживали. Мало того, котельная имела выход на каждую сторону, что значительно облегчало обзор.

Был воскресный апрельский день, в небе кочегарило солнце, светило, не в шутку конкурируя с земными искусниками тепла. Работы у дяди Васи поубавилось, и он толкнулся в дверь, ведущую, так сказать, к частной жизни врачей.

Толкнул он дверь плечом, вышел во двор и вроде бы ничего сверхъестественного там не обнаружил. Хирурги Бабин и Агабалаев, превозмогая нетрезвость, пытались что-то втолковать друг другу. Два племяша Агабалаева, гости с далекого юга, активно встревали в разговор. С их помощью хирурги окончательно запутались в словах.

— Однако сопляков не спрашивают! — рассерчал на агабалаевских гостей Бабин.

— Кто сопляки? — встрепенулся Агабалаев.— Мои кровные племяши — сопляки?

— И еще какие! — мотанул головой Бабин.— Стопроцентные!

— А я кто? — нахохлился Агабалаев.

— Ты дядя сопляков.

Племяши двинулись на обидчика. Одного из них Бабин повалил и оседлал. Другой схватил как нельзя более кстати подвернувшийся горбыль и опустил его на голову Бабина.

Вот тут-то и вмешался дядя Вася в частную жизнь докторов. Чем-то она ему не приглянулась.

— Путаница какая-то, граждане,— вырвалось у него.— Горбыль — чуждый медицине инструмент. Здесь лечебное заведение, а не иное. Здесь людей на ноги ставят, а не калечат.

— Кого будут ставить на ноги, если переведутся покалеченные? — тонко подметил вооруженный горбылем племяш.

И обрушил этот грубый инструмент на голову дяди Васи.

Конечно, кровь, тошнота, в глазах туман и в то же время огромное везение, что такое случилось на территории больницы. Удобно и для пострадавшего и для медицины. Помощь подоспела моментально, так как не нужно было мчаться куда-то на машине с красным крестом. Не прошло и пяти минут, а кочегар дядя Вася Селиверстов уже находился в приемном покое и наслаждался вниманием, которым его окружил медперсонал.

Разумеется, дядя Вася мог бы избрать другой путь к больничной койке. Совсем не обязательно было рисковать собственной головой да еще проявлять при этом нетактичность. Мало ли кто как развлекается в часы досуга! И не обязательно лезть с неуместными репликами в чужую жизнь!

А, главное, что получается: в дверь, ведущую к частному времяпрепровождению хирургов, вместе с дядей Васей волей-неволей пришлось заглянуть и некоторым должностным лицам.

Поселковая милиция оказалась удивительно деликатной. Она позволила племяшам беспрепятственно покинуть здешние места и не подшила в свой архив ни одного документа, фиксирующего их деяния.

А для успокоения дяди Васи, который полмесяца нежился в больничной тиши, было разъяснено: «Легкие телесные повреждения не наша сфера, и поэтому мы пас. Если горите желанием, обращайтесь в суд».

Другой пострадавший — хирург Бабин, первым испробовавший крепость горбыля, претензий к стражам порядка не имел. Он, наоборот, сделал вид, будто удар по голове доставил ему несколько радостных минут.

— Может, я с научной целью сам напросился на удар,— пояснил он.— Для проверки на себе состояния больного с травмой головы.

Бросил беглый взгляд в приоткрытую дядей Васей дверь и главный врач больницы Зубов. В его недрогнувшем взгляде не было осуждения. Внеслужебные шалости хирургов не продиктовали ему суровых строчек приказа.

Дотошный читатель спросит: «А что же председатель месткома? Как воспринял случившееся он?»

Отвечаю: дружелюбно воспринял, без излишней нервозности. Но это как раз пусть никого не удивляет, поскольку председатель месткома и хирург Бабин — одно лицо. Не может же он осудить самого себя. Язык не повернется.

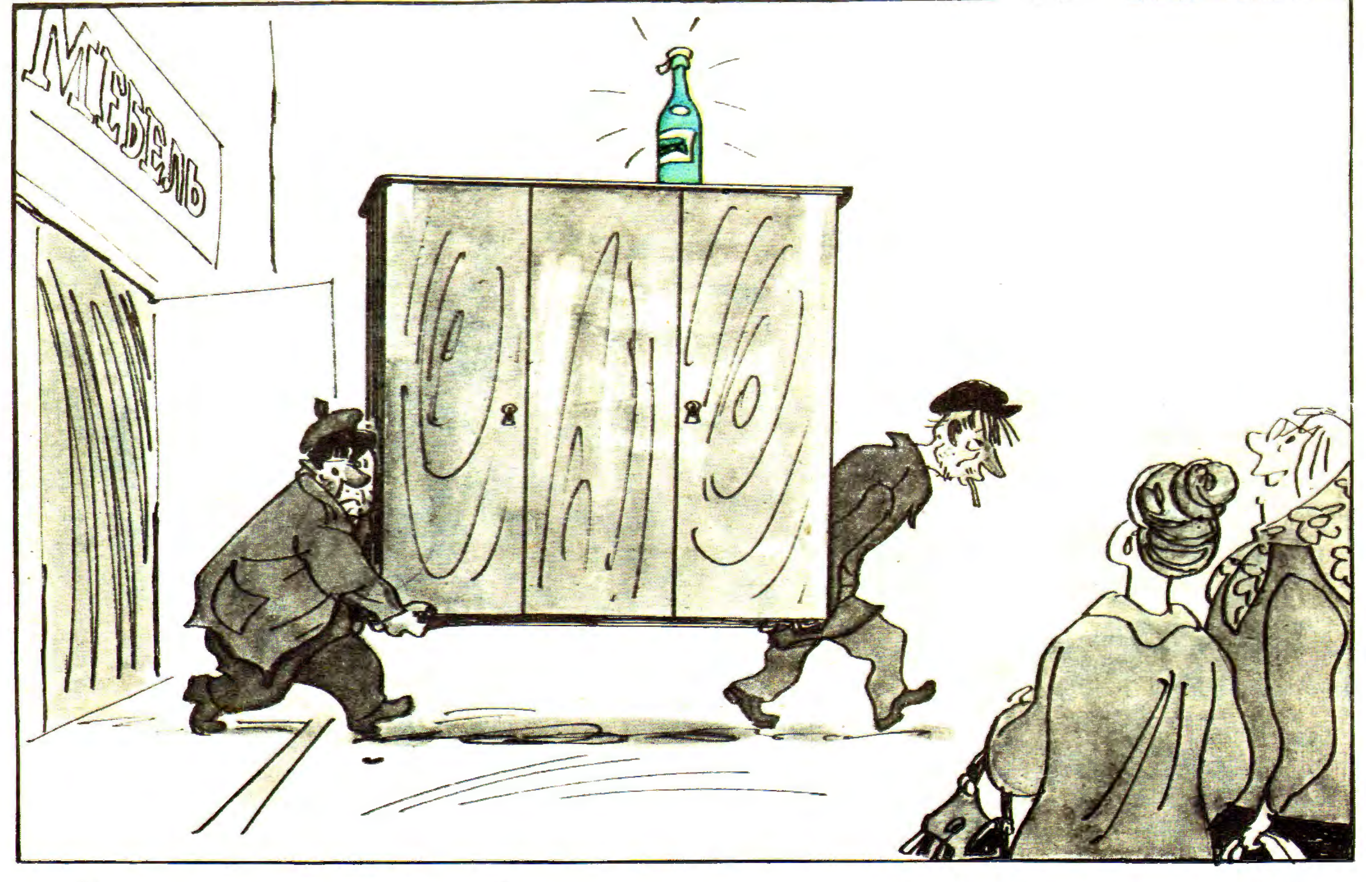
В результате — озадаченность дяди Васи. Он чувствует себя неотомщенным и в любую минуту готов обратиться в суд.

С ним доверительно собеседуют:

— Поймите, дорогой дядя Вася, что мы, местные руководители, обязаны смотреть на вещи шире. Вам как деятелю более мелкого масштаба не терпится привлечь к уголовной ответственности злополучных племяшей и покарать общественным судом Агабалаева и Бабина. А мы еще взвешиваем и последствия такого шага. Да пойди мы навстречу вашим мстительным чувствам, и поселок лишится ценных специалистов. Обидятся они и уедут. Кто тогда в случае чего окажет вам помощь?

— А с другой стороны, если они уедут,— говорит дядя Вася,— их помощь может больше и не понадобиться.

пос. Базарный Сызган, Ульяновской области.

— Уж теперь-то они доставят мой шкаф в целости и сохранности!

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Вл. ШАМША

СЕМИНАР

В лесу открылся семинар
На тему «Как тушить
пожар».
И Слон, знаток
в таких делах,
Враг всяческой дидактики,
Решил зверям
не на словах,—
Все показать
на практике.
— Смотрите:
вот огня очаг.
Он ликвидируется так!..
Слон, сунув в воду
хобот свой,
Воды втянув немало,
Метнул ее в огонь
струей —
И пламени не стало!
— Ну!— обратился он
к зверям.—
Понятен главный принцип
вам!..
Те зашумели:
— Да!.. Сполна!..
И стали заверять Слона:
— Любой пожар
потушим вмиг!
Воспользуемся опытом!

...Хоть не имел никто
из них
Для этой цели
хобота.

г. Одесса.

Жарким летним вечером, возвращаясь с работы на дачу, Григорий Иванович встретил на платформе соседа Сергея Семеновича.

Сосед был небрит и печален.

Григорий Иванович устал, торопился домой, но Сергей Семенович так глубоко и тяжко вздохнул, что тот даже остановился.

— Вы что-то неважно выглядите. Нездоровится? Или жара так действует?

— Да, жарко, — хрипло сказал сосед и расстегнул ворот несвежей рубахи.

Григорий Иванович заметил, как дрожат его пальцы, услышав, как дрогнул голос, спросил участливо:

— Что-то случилось, Сергей Семенович?

— Жена от меня ушла...

— Как, куда ушла? — не понял Григорий Иванович.

— Куда — не знаю,— чуть усмехнувшись, сказал сосед, — а только взяла и ушла. Ночью, знаете ли... Внезапно. Записку на столе оставила. Так, мол, и так: не жди, не надейся, поскольку у меня начинается новая жизнь. И все. Вот беда-то какая...

— Беда, — машинально повторил Григорий Иванович и, с любопытством взглянув на соседа, подумал: «Как, однако, его скрутило. Ишь ты!»

— Я без нее как без рук! Без глаз! Без воздуха! — громким шепотом выдохнул Сергей Семенович, повернулся и пошел прочь, растворяясь в серых горячих сумерках нехотя угасавшего дня.

И, глядя на его скорбно опущенные плечи, Григорий Иванович почувствовал и жалость и какое-то приятное изумление, будто открыл этого человека для себя заново.

Он пришел домой, и жена знакомым, заученным движением подвинула ему под ноги уютные тапочки, засуетилась вокруг стола, на котором тотчас появилась мелко нарезанная любимая селедочка с желтоватой, дымящейся разварной картошкой, улыбнулась ласково, проворковала:

— Ешь, милый. Питайся. В жару полезно солененькое.

Григорий Иванович посмотрел на жирно сияющую жену и селедку и без всякого аппетита принялся за еду.

Потом, как обычно, он смотрел телевизор, читал газету, незаметно задремывал, просыпался, снова читал, пока не уснул крепко и окончательно.

Но ночью он вдруг, как от толчка, встрепенулся. Было тихо. Ни звука. Обычный слабый скрип ставни, мягкое шелестенье листвы за окном — все было придавлено неподвижной жарой, замерло в ней.

Григорий Иванович покряхтел, лениво протянул руку. Рядом с ним было пусто. Он приподнялся и вгляделся.

Откинутое одеяло, на подушке легкая вмятина от головы жены... Пот обильно проступил на его лбу, и, не попадая ногами в уютные тапочки, он быстро вскочил.

На столе что-то белело. Он зажег свет, развернул скомканную бумажку, начал читать: «На два стакана муки четыре яйца, столовую ложку корицы...»

— А, черт! — громко сказал Григорий Иванович, швырнул бумажку и пошел по комнатам, широко раскрывая двери.

Нет, жены в доме не было.

«Неужели?» — подумал Григорий Иванович и почувствовал, как им овладевает жутковато-сладкая тревога.

Будто спала дремотная духота, будто кто-то невидимый, сильный тряхнул его, и давно забытый стук сердца раздался в груди часто и гулко.

Одновременно радуясь и ужасаясь охватившему его странному чувству, он выбежал из дому и помчался задами, прямо через огород, к соседу Сергею Семеновичу, чтобы вместе, обнявшись, одиноко и гордо страдать от ревности и уязвленного мужского самолюбия...

— Ты куда? — схватил его кто-то за руку. Он обернулся и увидел родной силуэт жены, испуганное ее лицо.

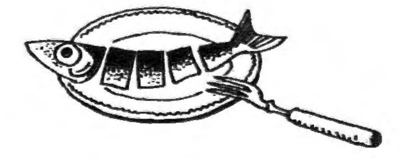
— Ты что? — бормотала она. — Что с тобой? Меня ищешь? А я вот огород поливала. Днем вода еле-еле журчит, а сейчас — знаешь какой напор! Я хотела потихоньку, чтобы тебя не беспокоить...

— Вот оно что, — сказал Григорий Иванович вяло. — А я-то думаю, куда ты делась?

— Здесь я. Куда денусь?

Григорий Иванович зевнул, добрел, почесываясь, до постели, лег и закрыл глаза.

Не спалось...

Андрей КАРАСЕВ, Сергей РЕВЗИН

НЕПРИЛИЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОН № 2

с иностранными словами

Если помните, когда-то
Был, хоть это моветон,
В «Крокодиле» напечатан
«Неприличный фельетон».

Именно так назывался фельетон Л. Лиходеева, № 26, 1970 г.

Скользкой он касался темы,
В нем обзор был общий дан
Состояния проблемы
«Пур ле пти» и «Пур ле гран».

Труднопереводимая игра слов. Эквивалентно русскому «Куда бывший царь пешком ходил».

Нет на данной теме вето,
Но она не для поэтов.
Что поделать! Согрешим.
Отказаться невозможно:
К нам пришел сигнал тревожный —
SOS из города Ишим,
Что в Тюменской области.
Стал Ишим расти заметно,
Здесь немало молодых,
Новых зданий. А конкретно
Речь пойдет о двух из них,

построенных трестом Тюменьмелиоводстрой.

Хороши по всем приметам
И удобные весьма,
В строй вошли минувшим летом
Эти новые дома.
Но пришла зима, и — точка,
Все в домах промерзло — жуть!
И в укромных уголочках
Ручки — те, что на цепочках,
Лучше даже не тянуть.
Плохо дело! Да к тому же
Возле дома и окрест
Не хватает крайне нужных
Индивидуальных мест.
Затанцуешь тут в Ишиме
Модный прежде танец «шимми»!
И в соседний парк культуры,
Чертыхаясь по пути,
Из домов бегут фигуры
Для известной процедуры —
Пур ле гран и пур ле пти.

* * *

До свидания, Ишим!
Мы теперь в Смоленск спешим.

Зовет сигнал SOS нашего смоленского читателя А. К. Пятыго.

Факт вполне документальный
И займет немного строк.
Мы на улице центральной,
Где шумит людской поток.
У людей же — это ясно,
Так их мама родила —
Есть, помимо всяких разных
(Расчудесных, распрекрасных),
Эти самые дела.
Но в Смоленске — вот обида! —
Это самое не в счет,
Это вечером закрыто,
Очевидно, «на учет».
А поскольку нету места,
Людям некуда зайти,
Кое-кто невольно вместо...
Устремляется в подъезды
По вопросу пур ле пти.

* * *

А теперь мы на момент
Завернем еще в Дербент.
Тут с вопросом этим энским
Даже хуже, чем в Смоленске.
Тут на улицах Дербента
Человек, понур и хмур,
Не найдя апартамента,
Где придется, там и пур...

* * *

Это самое и тому подобное наблюдается также в других отдельных тут и там раскинувшихся городах.

Почему же наши мэры
Не предпринимают меры?

Мэр — местный энергичный руководитель.

Несподручно? Неприлично?
Несозвучно? Моветон?
Но позвольте, в плане личном
Мэры, кажется, обычно
Сами тоже... миль пардон!

«Миль пардон» — «Я дико извиняюсь».

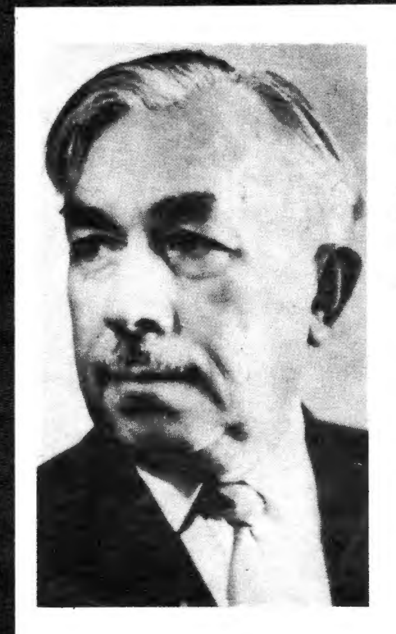
Пусть про самое про это,
Про трагическое SOS
Прочитают в горсоветах
И продумают всерьез
Этот сложный, неотложный,
Опостылевший безбожно,
Прозаический вопрос.
Если только он повсюду
Разрешится на Руси,
Люди это не забудут,
Люди скажут гран-мерси.

Т. е. спасибо за внимание.

— Между нами говоря, мой дрессировщик сам не умеет кататься на велосипеде.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА

Юлий Абрамович ГАНФ

Умер Художник.

Нет, конечно, было у него официальное звание народного художника РСФСР, были награды, дипломы, грамоты... И все-таки самая точная его характеристика именно такая: Художник с большой буквы.

Хотя он пришел в «Крокодил» с самого основания журнала, пятьдесят один год назад, «мэтром» он не выглядел: он был товарищ, соратник, сотрудник, простой и деликатный, жизнерадостный и доброжелательный, остроумный и любознательный.

Получив временный отпуск от наседающих на него недугов, он приходил в редакцию, уютно устраивался в кресле, доставал сигарету и спрашивал:

— Ну как вы тут!

Поблескивая живыми черными глазами, тут же вспоминал одну из многочисленных веселых историй:

— Помню, выходим мы с Маяковским из редакции...

Оперативные дела «закруглялись» сами собой, переставали трещать телефонные диски, и смыкалось вокруг Ганфа кольцо крокодильцев, жадно ловящих каждое его слово...

Только что мы отметили его семидесятипятилетие.

И никто не верил: Ганфу — семьдесят пять! Да бросьте!

Так молод он был, и так молод был его взрывчатый, искрометный талант карикатуриста.

Один только пример: в марте состоялась международная художественная выставка «Сатира в борьбе за мир». Коллективу крокодильцев был присужден на ней диплом первой степени. И, несмотря на это, жюри присудило Ганфу отдельный диплом, тоже первой степени. Это было просто необходимо, чтобы особо отметить человека, украсившего выставку ярким букетом удивительно свежих, острых, злободневных рисунков.

Очень трудно будет без Ганфа: он был сатирик и карикатурист высшего класса.

Он ушел. Имя его, его творчество остались.

Мимоходом

Волчица-модница: ходит в овечьей шкуре.

С. МАРКОВ

Человек на пьедестале обычно земли под собой не чует.

В. КОНЯХИН

Иные презирают Иуду не за то, что предал, а за то, что продешевил.

Д. МИЛЬРУД

Заплаты на штанах теперь являются свидетельством не материальной нищеты, а духовной.

Ц. МЕЛАМЕД

Выше головы, подхалимы!

Н. СТАНИЛОВСКИЙ

Когда склочник попал в ад, даже чертям стало тошно.

М. ГЕНИН

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«В нашей семье живут три пенсионерки, возраст которых в среднем составляет 231 год».

Газета «Коммуна», г. Воронеж.

«В связи с тем, что магазин закрыт, продавец уехал за товарами».

Списал Н. Нихаев, г. Уштобе.

«От каждой доярки получают больше пуда молока».

Газета «Новая жизнь», Гороховецкий район, Владимирской области.

«Пропив 900 рублей государственных денег, я испугался и пропил еще 1358 рублей, после чего, поняв, что влип в очень неприятную историю, пропил остальные 3600 рублей».

(Из объяснения подсудимого)

Копию снял С. Кашников, г. Новосибирск.

«Заявка

Пожарная часть № 1 просит Вашего распоряжения подключить горячую воду, так как она необходима для пользования личного состава после загораний».

Прислала Л. Яровицина, Костромская область.

«Объявление

На временную работу в ателье требуется швея на должность модельера для работы закройщиком».

Переписал В. Новиков, г. Копейск.

17 часов
ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ
Уважаемый товарищ ______
Общественный совет k/театра «Пионер» приглашает Вас
Любить человека
ряд 21
место 1,2
Общ. совет

Прислал С. Ермаков, г. Иркутск.

ГИДРОТУРБИННЫЙ
РЫНОК
г. СЫЗРАНЬ

Фото Т. Герасимовой, г. Сызрань.

«Мы, сельские библиотекари, стремимся хорошо обслуживать читателей, особенно посевных».

(Из радиопередачи)

Записала Л. Павлова, г. Казань.

«И вот тут мы подходим к винтэссенции вопроса».

Газета «Полярная правда», г. Мурманск.

«Пьянство я беру на себя, а хищениями пусть занимается директор».

(Из выступления на собрании)

Записал Р. Каплан, г. Пинск.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

— Халтурщики, привинтили зеркало вверх ногами!

— Директор отдыхает, зам отдыхает, второй зам — тоже, а почему вы не отдыхаете?
— Я тоже отдыхаю, только вы мне мешаете.

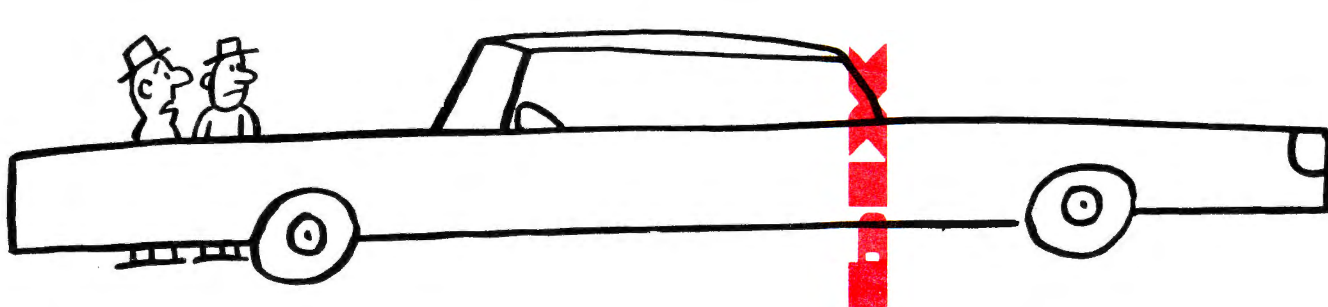
— Болван, разве так проверяют наличие консервов?

— Зачем ты даешь собаке кофе?
— Чтобы не спала ночью!

— Интересно, почем метр?

— А если еще и обивка сидений окажется бракованной,— значит, продавец меня здорово околпачил...

Рисунки Божо КОСА (Югославия)

— Збышек, как мне горько... Сегодня годовщина нашей свадьбы, а ты об этом забыл.

— Забыл? Как бы не так! А ты думаешь, почему я не устроил тебе скандал из-за того, что молоко подгорело?!

●

Маленький мальчик на улице просит даму:

— Дайте мне десять франков, чтобы я мог соединиться с моей семьей.

— Пожалуйста, маленький. А где твоя семья?

— В кино.

●

Ирландца спросили, не пуглива ли его лошадь.

— Нисколько,— ответил он.— Она даже остается одна на ночь в темной конюшне.

●

— В этой квартире раньше жил химик. Он постоянно экспериментировал и как раз в этой комнате.

— А-а... Вероятно, пятно на потолке — это результат его экспериментов?

— Нет, это сам химик.

Клифф ПАРКЕР (Англия)

ИСПЫТАННОЕ СРЕДСТВО

Месяц назад — это было в поле на берегу Темзы — я сделал открытие, которое помогло мне и моему сыну пройти через большое стадо довольно воинственно настроенных коров, не получив ни единой царапины.

Этих скотов только что пустили в поле на поправку. Они тут же окружили нас и начали проявлять к нам какое-то назойливое любопытство. Я замахал руками и закричал «Кыш!», но они все энергичнее подталкивали нас со всех сторон. Мы свистели, выкрикивали проклятия по их адресу, молились — и все напрасно. Рогатые и безрогие твари не давали нам прохода. Чтобы хоть как-то подбодрить сына, я решил рассказывать ему старые анекдоты: «Официант, что вы подали — кофе или чай?» «А вы разве не можете отличить?» «В том-то и дело, что нет» «Тогда какое это имеет значение?»

Два больших быка и корова, которые усиленно нас подталкивали, остановились и, казалось, о чем-то задумались. Я продолжал: «Официант, официант, в моем супе мертвая муха!» «А вы что, за два шиллинга хотите мертвого орла?»

Громадный бык изумленно покачал головой, как-то странно взглянул на меня и начал пятиться назад. Вокруг нас уже образовалось свободное пространство. Оно словно прибавило мне сил: «Кондуктор, вы останавливаетесь у ресторана «Максим»?» «С моим-то жалованьем? Вы шутите!»

Несколько коров в ужасе шарахнулись от меня. Задние, должно быть, не слышали моих анекдотов и продолжали напирать. Я решил действовать наверняка: «Муж неожиданно вернулся домой и лег на кровать отдохнуть. Внезапно он услышал легкое повизгивание. «Это ты, Джек?» — спросил он, решив, что под кроватью собака. «Я».— послышалось в ответ».

Все стадо повернулось и помчалось от нас, словно бизоны от охотников. Мы были свободны.

С тех пор я никогда не возражаю, если при мне рассказывают анекдоты с бородой. В них тоже есть своя прелесть...

УЛЫБКИ

— Купите лотерейный билет! Главный выигрыш — легковая машина!

— Зачем мне легковая машина?

— Ну все равно возьмите билет, не все же выигрывают...

●

Нильсен пришел на работу в контору с таким удрученным выражением лица, что сослуживцы сразу обратили на него внимание.

— У тебя какие-нибудь неприятности, Нильсен?

— Да, понимаете, Хансен вчера был такой пьяный, что ухитрился продать центральный железнодорожный вокзал...

— Да тебе-то какое дело до этого, ты-то чего переживаешь?

— Вообще-то, конечно, но дело в том, что купил его я...

РАЗНЫХ ШИРОТ

В налоговое бюро пришел чек на большую сумму со следующим письмом: «Вчера я уплатил налоги, но при этом многие доходы скрыл. Угрызения совести преследовали меня всю ночь, и я не мог уснуть, поэтому посылаю вам дополнительный чек, чтобы спокойно спать».

Письмо заканчивалось постскриптумом: «Если я не буду спать и сегодня ночью, то завтра вышлю вам остальные деньги, которые я должен».

●

— Почему же вы обманули людей, которые вам верили?

— Потому что обмануть тех, кто мне не верил, господин судья, было совершенно невозможно!

Питер вернулся с экзамена. Мать спрашивает:

— Какое впечатление произвел экзаменатор?

— Очень набожный человек. Каждый раз, когда я что-то отвечал, он поднимал глаза к небу и восклицал: «Боже мой! Боже мой!»

●

Врач имел дурную привычку, осматривая больного, все время говорить «мы».

— У нас болит живот, и нам очень плохо. Кроме того, мы чихаем. Что же мы должны будем сейчас делать?

— Я думаю, что лучше всего нам с вами вместе пойти к другому врачу,— заметил больной.

КРОКОДИЛ

№ 19 (2065)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, М. Вайсборд, В. Жаринов, Н. Корягин, Г. Ломидзе (г. Тбилиси), К. Невлер, Л. Самойлов, М. Ушац, Ю. Черепанов, А. Чикарьков, В. Шкарбан.

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Е. П. ДУБРОВИН
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 19/VI 1973 г. А 03329. Подписано к печати 28/VI 1973 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 550 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 372 200). Изд. № 1441. Заказ № 785.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

ДЖОН БУЛЬдозер

Рисунок Г. ЛОМИДЗЕ